

Шарапова Екатерина Вячеславовна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
katyasharapik@gmail.com

Корпусные методы в исследовании идиостиля: *решиТЕЛЬный/решиТЕЛЬНО* в языке Ф. М. Достоевского*

Для цитирования: Шарапова Е. В. Корпусные методы в исследовании идиостиля: *решиТЕЛЬный/решиТЕЛЬНО* в языке Ф. М. Достоевского. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (2): 400–416. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.209>

Статья посвящена идиостилевым особенностям прилагательного *решиТЕЛЬный* и наречия *решиТЕЛЬНО* в языке Ф. М. Достоевского. Семантическая структура *решиТЕЛЬный/-о* включает три блока значений. Первый составляет группа связанных семантическими отношениями значений качества и образа действия, второй — это дискурсивные употребления и значения, третий — употребления в роли интенсификатора со значением ‘очень, высокая степень’ (т. е. в значении, соответствующем лексической функции Magn). Данные словарей говорят о том, что все они были свойственны *решиТЕЛЬный/-о* в русском языке XIX века. Однако корпусное исследование художественных текстов Ф. М. Достоевского и художественных текстов писателей-современников показало, что именно для идиостиля Достоевского характерно преимущественное употребление *решиТЕЛЬный/-о* в роли дискурсивного слова и интенсификатора. Для сравнения количества случаев употребления *решиТЕЛЬный/-о* в разных значениях было проанализировано 1219 контекстов из «больших романов» Достоевского и художественных произведений Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, представленных в Национальном корпусе русского языка. Анализ семантики *решиТЕЛЬный/-о* в разных контекстах демонстрирует близость интенсификации к дискурсивным употреблениям вплоть до неразличения. В проанализированном корпусе текстов Достоевского 47% употреблений *решиТЕЛЬный/-о* — это дискурсивные употребления и интенсификаторы; доля этих употреблений в текстах других авторов значительно меньше. У дискурсивного слова *решиТЕЛЬный/-о* в языке «больших романов» Достоевского выделяется несколько характерных, типичных контекстов употребления; рассматриваются контекстные условия изменения дискурсивного значения у прилагательного и наречия. Также исследуются некоторые характерные конструкции: типа «в решительном вдохновении» и типа «решительно как бы».

Ключевые слова: дискурсивное слово, интенсификатор, Magn, корпусное исследование, идиостиль Ф. М. Достоевского.

Прилагательное *решиТЕЛЬный* и наречие *решиТЕЛЬНО* можно отнести к т. н. «словечкам» Достоевского. В [Караулов 2014] их идиостилистическая функция была рассмотрена через предложенное С. М. Эйзенштейном понятие аттракциона.

* Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста».

Подобно тому как аттракцион в кино — это «единица воздействия» на зрителя, аттракцион в художественном тексте — это «единица воздействия на читателя» [Караулов 2014: 34, 41]. На примере повести «Дядюшкин сон» Ю. Н. Караулов различает аттракционы сюжетно-событийные (тайна, риск, скандал, катастрофа, смерть и т. д.) и языковые, аттракционы-слова: *самый, неожиданный, совершенный, чрезвычайный, странный, особенный, удивительный*. Вторые, в отличие от первых, «выполняют не сюжетно-строительную роль, а передают отношение автора, авторскую оценку соответствующих явлений» [Караулов 2014: 41]. Языковые аттракционы — это «яркая примета стиля Достоевского, издавна отмечавшаяся исследователями языка писателя и квалифицированная как приверженность его к определенным словам и выражениям, несущим оценочную и характеризующую роль» [Караулов 2014: 41].

В группу такого рода «языковых аттракционов» в языке и идиостиле Достоевского стоит включить и слова *решительный, решительно*. В статье будет рассмотрена семантика прилагательного *решительный* и наречия *решительно* на материале данных словарей, художественных текстов Ф. М. Достоевского и художественных текстов авторов — современников писателя. Мы постараемся показать, что: 1) *решительный/-о* используется Достоевским преимущественно не в описательной функции, а как маркер отношения говорящего к содержанию речи; 2) употребление *решительный/-о* в дискурсивной функции характерно именно для художественной речи Достоевского, т. е. является особенностью идиостиля.

Исследование проведено на материале пяти поздних романов Ф. М. Достоевского: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Этот корпус текстов называют «великим пятикнижием» Достоевского [Дунаев 2002; Криницын 2001], «большими романами Достоевского» [Шестов 1922; Чулков 2019]. Рассматривать поздние романы Достоевского можно и как «вершину творчества», и как самостоятельный литературный феномен. Эти произведения объединяет не только время написания, но и общие идеи, мотивы, множество сюжетно-композиционных параллелей, которым отвечают единство языка и стиля. В качестве корпуса для сравнения использованы художественные тексты писателей — современников Достоевского, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ): объем корпуса художественных текстов Л. Н. Толстого — 1 261 691 слово, М. Е. Салтыкова-Щедрина — 1 521 915 слов, И. С. Тургенева — 774 872 слова, И. А. Гончарова — 797 186 слов; объем корпуса «больших романов» Достоевского — 1 070 717 слов [НКРЯ].

Семантическая структура *решительный/-о*

Особенности семантики *решительный/-о* могут быть представлены как три блока значений. Первый блок составляют употребления прилагательного или наречия в исходном «описательном» значении — качества или образа действия. Второй блок — это дискурсивные употребления. Третий — употребления в функции интенсификатора, т. е. в значении «очень, высокая степень», соответствующем лексической функции Magn [Апресян 1995; Мельчук 1999].

Решительный/-о в качественном значении и значении образа действия

Толковые словари русского языка [Даль; БАС; МАС; СЦСРЯ; СЯП; Ушаков] позволяют выделить у прилагательного *решительный* и наречия *решительно* следующие значения:

- **‘смелый, не колеблющийся’** (о человеке): *решительный человек, решительные судьи*. У этого значения выделяется оттенок **‘не обнаруживающий колебаний’** (об абстрактном понятии): *решительный поступок, характер; решительное мнение*. Этому значению соответствует наречие **решительно** в значении **‘со всей решимостью, без колебаний’**: *решительно объявил, решительно поступить*;
- **‘выражающий решимость’**: *решительные шаги, решительный тон*. В текстах Ф.М. Достоевского это значение выделяется также у наречия **решительно** в сочетании с обозначениями кинетики (позы, жестов, движений): *Выговорив это, он решительно и важно откинулся на спинку стула и выпучил на меня глаза*. (Ф.М. Достоевский. Подросток (1875));
- **‘важный, решающий’**: *решительная ночь, решительный день, решительная битва, решительный бой, решительный переворот в моем существовании, решительная минута*;
- **‘окончательный, определенный, категорический’**, т.е. содержащий окончательное решение: *решительное объявление, решительное письмо*. В текстах Ф.М. Достоевского этому значению соответствует значение наречия **решительно** в сочетании со словами *высказаться, заключить, объявить, объяснить, ответить/отвечать, прогнать, распорядиться, сказать; запретить, отвергать, отказаться*;
- **‘крайний, действенный, радикальный’** — в сочетании со словами *мера/меры, средства, план*.

[Виноградов, Шведова 1964а] описывает историю *решительны/-о* в группе прилагательных и наречий с суффиксом *-тельн-*. Изначально суффикс *-тельн-* «производил прилагательные от глаголов, преимущественно обозначающих отвлеченное нефизическое действие» [Виноградов, Шведова 1964а: 402]. Однако впоследствии значения прилагательных на *-тельный* изменяются от процессуальных к качественным, и этот процесс завершается в основном к середине XIX в.: «Во второй половине XIX в. прилагательные не терминологического характера с процессуальными значениями уже не отмечаются, а новые слова сразу создаются с качественными значениями» [Виноградов, Шведова 1964а: 402].

Анализ корпуса художественных текстов позволяет выявить у *решительный/-о* не только развитие качественных значений, но и направления последующей семантической эволюции, т.е. дискурсивные употребления и употребления в качестве интенсификатора.

Дискурсивные употребления *решительный/-о*

Дискурсивные слова — это «слова, которые предназначены не для того, чтобы передавать информацию, а для того, чтобы указывать на связь между говорящим

и ситуацией» (*перевод наш.* — Е.Ш.)¹ [Ducrot 1980: 131], они обеспечивают связность текста, выражают оценки, мнения, «отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [Баранов и др. 1993: 7]. По некоторым характерным признакам к дискурсивным близки служебные слова и выделенный В. В. Виноградовым класс «модальных слов»: это слова с непредметным значением, которые выражают отношение между элементами дискурса [Киселева, Пайар 1998: 8]. Семантика дискурсивных слов «часто интерпретируется как отсутствие у этих единиц собственного лексического значения или как десемантизация слова в его дискурсивных употреблениях» [Киселева, Пайар 1998: 9].

У *решительный/-о*, как и у многих других дискурсивных слов, дискурсивные употребления сосуществуют в языке с недискурсивными, сохраняя между собой семантические связи [Киселева, Пайар 1998: 9–10]. В словарях у прилагательного *решительный* отмечено значение ‘совершенно несомненный, явный, безусловный’ [СЯП: 1065], ‘несомненный, явный’ [Ушаков: 1356; МАС, т. III: 947], ‘явный, несомненный’ [БАС: 1299]: *Просто бери кисть да и рисуй: Прометей, решительный Прометей!* (Н. В. Гоголь, «Мертвые души») [МАС, т. III: 947]. У наречия *решительно* в [СЯП] отмечено значение ‘несомненно, безусловно, явно’: *У меня решительно сплин* [СЯП: 1065]. В [БАС] и [МАС] отмечено значение ‘вне всякого сомнения, несомненно’ [БАС: 1299–1300], ‘разумеется, без сомнения’ [МАС, т. III: 947], которые приписаны употреблениям *решительно* в функции вводного слова, т. е. в контекстах с обособлением: *Париж — решительно, и ум и сердце всей страны* (А. И. Герцен, «Опять в Париже») [БАС: 1300].

Дискурсивная семантика проявляет себя наиболее ярко, когда наречие *решительно* стоит в начале предложения — в этом случае в его сфере действия попадает все предложение:

- (1) (Порфирий Петрович) Да что делать, слабость, люблю военное дело, и уж как люблю я читать все эти военные релянции... **решительно** я моей карьерой манкировал. Мне бы в военное служить-с, право-с (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).
- (2) «**Решительно** Ламберт от всех зависит», — подумал я, ненавидя его в эту минуту от всей души (Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)).
- (3) **Решительно** успокойтесь на этот счет, Дмитрий Федорович, — тотчас же и с видимою поспешностью ответил прокурор, — мы не имеем пока никаких значительных мотивов хоть в чем-нибудь обеспокоить особу, которою вы так интересуетесь (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).

Как правило, дискурсивные употребления характерны для наречия *решительно*, но прилагательное также может выступать в этой функции. Кроме того, в отличие от прилагательного, наречие *решительно* имеет следующие специфические значения и контексты употребления:

- ‘**совсем, совершенно**’ — при отрицании. На это употребление *решительно* отдельно указывает БАС: ‘совсем, совершенно’ — при усилении отрицания: *решительно уже некуда было ехать* (Н. В. Гоголь, «Мертвые души»), *решительно*

¹ В оригинале: «...des mots qui ne sont pas destinés à apporter des informations, mais à marquer le rapport du locuteur et de la situation».

тельно не помнил его (Л. Н. Толстой, «Война и мир») [БАС: 1300]. В МАС для значения 'совсем, совершенно' приведен пример с отрицанием: *Мужчинам верить ни в чем нельзя, решительно ни в чем* (А. Н. Островский, «Доходное место») [МАС, т. III: 947];

- **'без исключения'** — при кванторных словах со значением всеобщности *всё, весь, все, всякий* и т. д., напр., *Бьюмонт заезжал к Полозовым решительно каждый день, иногда надолго, иногда не надолго, но все-таки каждый день* (Н. Г. Чернышевский, «Что делать?») [БАС: 1300].

Функция усилительной частицы при отрицании и кванторном слове может рассматриваться как близкая к дискурсивной, однако в этой статье мы выделяем эти употребления особо и не рассматриваем подробно.

Решительный/-о в функции интенсификатора

Решительный/-о может употребляться в функции интенсификатора и выражать смысл 'очень, высокая степень' (соответствующий лексической функции Magn в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст»).

В толковых словарях не фиксируется последовательно значение Magn, однако оно зафиксировано у наречия *решительно* в [Виноградов, Шведова 1964б]. Во-первых, в качестве доказательства развития качественного значения у прилагательного *подавляющий*: *Впечатление от Листовой игры было решительно подавляющее* (В. В. Стасов, «Училище правоведения сорок лет тому назад»). *Решительно подавляющее* здесь стоит в ряду контекстов *очень образованный человек, несравненно более знающ, совершенно умоляющий голос, чрезвычайно образованный (человек)* и др. [Виноградов, Шведова 1964б: 233]. Во-вторых, *решительно* отмечено в ряду наречий, «выражающих высокую степень признака»: *исключительно, значительно, совершенно, особенно, вполне, сильно, решительно, положительно, буквально* [Виноградов, Шведова 1964б: 278].

В словарях отдельные употребления прилагательного *решительный* в функции интенсификатора встречаются среди примеров к другим значениям, напр. *решительный перевес* 'окончательный, полный' [СЯП: 1065]. Некоторые контексты с этим значением приведены для иллюстрации «дискурсивных значений»: 'совершенно несомненный, явный, безусловный': *...отличаются гармонией, точностью слога и обличают решительный талант; На театре имел он решительные успехи; 'несомненно, безусловно, явно' — В сем отношении г. Орлов решительно уступает г. Булгарину* [СЯП: 1065]. То же самое — в словаре Д. Н. Ушакова: *Это решительный негодяй* — иллюстрация к значению 'несомненный, явный' [Ушаков: 1356]. Это указывает на близость дискурсивных употреблений к контекстам с интенсификацией.

О близости дискурсивных (модальных) значений к значению интенсивности не раз шла речь в лингвистической литературе. Например, И. В. Червенкова указывает на то, что модальность субъекта в значении показателей высокой степени включает не только отношение к количеству признака (субъективную оценку меры признака — 'считаю, что...'), но также отношение говорящего «к предполагаемому (или высказанному) мнению собеседника по поводу сообщаемого, а именно направленность против иной оценки меры признака — как большей или меньшей» —

в этом случае модальность говорящего «заключается в полемической направленности против модальности адресата и имеет эмфатический характер, имплицитно двойное отрицание: ‘не считай, что не...’» — следовательно, модальная рамка интенсификатора может быть представлена следующим образом: «говорящий считает, что N, и не хочет, чтобы слушающий думал, что не N (что говорящий преувеличивает)», где N — признак с указанием его меры» [Червенкова 1975: 9, 15–16]. С. Е. Родионова описывает категорию интенсивности как производную от категорий количественности и качественности и от «особой прагматической категории, содержание которой может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий “выделенность (релевантность)” и “выдвижение”» [Родионова 2005: 156]. В [Buvet 2018] фразеологические единицы со значением высокой степени (речь идет об интенсификации эмоциональных состояний) рассматриваются как маркеры точки зрения говорящего в высказывании. В некоторых контекстах употребления идиом это действительно так. Именно в этих случаях экспрессивная семантика идиом может рассматриваться как дискурсивное средство языка.

Каким должен быть контекст употребления, чтобы *решительный/-о* получить функцию интенсификатора? Г. И. Кустова пишет об обязательной «семантической мотивированности» интенсификаторов, т. е. обязательном выполнении условий, при которых будет возможно семантическое согласование:

...сочетания с Magn’ами заведомо семантически мотивированы в том смысле, что значение степени выражается только при словах с качественной, количественной и оценочной семантикой, которые обозначают градуируемые признаки, и, вообще, при словах, значение которых моделируется шкалой. Это, например, процессы, которые можно представить как движение по шкале (*увеличиваться, остывать...*), специфические внутренние состояния человека и их внешние проявления, которые тоже градуируются по шкале интенсивности, — *боль, дрожь, кашель, страх, радость* и т. п. [Кустова 2011: 258].

Действительно, *решительный/-о* легко становится интенсификатором в сочетании с обозначениями внутренних эмоциональных состояний человека, состояний-отношений. В таких контекстах выражение дискурсивного значения типа ‘несомненно, явно’ затруднено, поскольку «в контексте внутренних состояний неуместна оценка вероятности» [Падучева 2019: 295], однако очевидна градуируемость эмоционального состояния и его «склонность» к интенсификации. Если в сферу действия дискурсивного *решительный/-о* попадает слово с градуальной семантикой, то дискурсивное *решительный/-о* «подтягивается» к классу интенсификаторов. Однако, как мы увидим далее, часто в конкретных контекстах у *решительный/-о* не различаются функции дискурсивного слова и интенсификатора.

Исходя из вышесказанного, а также из наблюдений над нашим материалом, мы посчитали уместным объединить при подсчетах в следующем разделе дискурсивные употребления *решительный/-о* с интенсификаторами *решительный/-о*. При семантической разметке корпуса контекстов мы определяем *решительный/-о* как интенсификатор, если прилагательное или наречие употребляется при словах следующих семантических групп: качества (*злой, умный*), эмоциональных состояний и отношений (*исступление, бояться*, а также *все равно* в значении ‘безразлично’) и их внешних проявлений (*выйти из себя, раскуражиться*), физиологических со-

стояний (*пьяный*), явлений ментальной сферы (*познания, предрассудки*), желаний и намерений (*желать, хотеть, намерение*). В некоторых случаях сложно однозначно отнести значение *реши́тельный/-о* к одному из качественных или определить его как ‘очень, высокая степень’, например: *реши́тельный отпор, реши́тельно воспротивиться*: ‘смелый, не обнаруживающий колебаний’ (‘смело, без колебаний’) или ‘очень, высокая степень’; *реши́тельное влияние, реши́тельное юридическое значение* — ‘важный, решающий’ или ‘очень, высокая степень’. Такие случаи мы относим к интенсификаторам.

Дискурсивная семантика *реши́тельный/-о* как характерная черта идиостиля Ф. М. Достоевского

Приведенные выше данные словарей и «Очерков по исторической грамматике русского литературного языка XIX века» говорят о том, что дискурсивное употребление и употребление в значении ‘очень, высокая степень’ были в целом свойственны для *реши́тельный/-о* в эпоху Достоевского. Употребление *реши́тельный/-о* в роли дискурсивного слова и интенсификатора для современного читателя имеет оттенок устаревшего, но отражает общую тенденцию в языке той эпохи и само по себе не является особенностью идиостиля Достоевского:

- (4) — И знаете ли, мой милый, мне кажется, что **реши́тельно** Буонапарте потерял свою латынь (Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867–1869)).
- (5) Все это так для меня ново, так меня поражает, что **реши́тельно** я теряюсь, не знаю, что мне предпринять (М. Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)).
- (6) **Реши́тельно** японцы — французы, китайцы — немцы здешних мест (И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)).
- (7) Нет, **реши́тельно**, я не рожден для семейной жизни... (И. С. Тургенев. Где тонко, там и рвется (1851)).

Однако сравнение количества употреблений *реши́тельный/-о* в разных значениях у Достоевского и у других писателей показывает, что именно в его художественной речи *реши́тельный/-о* употребляются преимущественно в роли дискурсивного слова и интенсификатора.

Для сравнения количества случаев употребления *реши́тельный/-о* в разных значениях было проанализировано 1219 контекстов. Подкорпус «больших романов» Ф. М. Достоевского составил выборку из 336 контекстов; 883 контекста были извлечены из художественных произведений Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова. Поиск проводился по НКРЯ. Поскольку для подкорпуса каждого автора мы располагаем разным количеством словоупотреблений, полученные частотные распределения даны в таблице и в абсолютных, и в относительных величинах. Относительную величину составляет процент количества употреблений *реши́тельный/-о* в определенном значении от общего количества употреблений этого слова у соответствующего автора.

Интересующие нас цифры выделены в таблице полужирным шрифтом. Почти половина всех употреблений *реши́тельный/-о* у Ф. М. Достоевского (47%) — это дискурсивные употребления и интенсификаторы. Доля этих употреблений для

Таблица. Соотношение количества употреблений *решительный/-о* в разных значениях в художественных текстах Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова

Значения <i>решительный/-о</i>	Ф. М. Достоевский	Л. Н. Толстой	М. Е. Салтыков-Щедрин	И. С. Тургенев	И. А. Гончаров
‘смелый; смело, без колебаний’	56 (17 %)	109 (33 %)	59 (21 %)	29 (18 %)	45 (38 %)
‘выражающий решимость’	22 (7 %)	64 (20 %)	11 (4 %)	12 (8 %)	10 (8 %)
‘важный, решающий’	15 (4 %)	20 (6 %)	33 (12 %)	10 (6 %)	10 (8 %)
‘крайний, радикальный’	0 (0 %)	4 (1 %)	5 (2 %)	3 (2 %)	2 (2 %)
‘окончательный/-о’	11 (3 %)	20 (6 %)	15 (5 %)	10 (6 %)	15 (13 %)
‘совсем, совершенно’ — при отрицании	61 (18 %)	67 (20 %)	80 (29 %)	65 (41 %)	17 (14 %)
‘без исключения’	12 (4 %)	4 (1 %)	12 (4 %)	6 (4 %)	3 (3 %)
Дискурсивные / Magn	159 (47 %)	40 (12 %)	62 (22 %)	24 (15 %)	17 (14 %)
Всего словоупотреблений	336 (100 %)	328 (100 %)	277 (100 %)	159 (100 %)	119 (100 %)

других авторов значительно меньше (у Л. Н. Толстого — 12 %, у М. Е. Салтыкова-Щедрина — 22 %, у И. С. Тургенева — 15 %, у И. А. Гончарова — 14 %), из чего следует, что *решительный/-о* в роли дискурсивного слова и интенсификатора — это отличительная особенность идиостиля Ф. М. Достоевского.

Некоторые контексты употребления дискурсивного слова и интенсификатора *решительный/-о* в «больших романах» Ф. М. Достоевского

У дискурсивного слова и интенсификатора *решительный/-о* в «больших романах» Достоевского мы можем выделить некоторые характерные контексты употребления, а также некоторые специфические конструкции. Дискурсивные употребления и значения свойственны прежде всего наречию *решительно*.

В первом типе выделенных контекстов, употребляя *решительный/-о*, говорящий выражает свое отношение к непосредственно наблюдаемой ситуации: ‘я вижу / я слышу’, поэтому ‘я уверен, что это так’. *Решительный/-о* в таких контекстах можно заменить на синонимы *очевидный/-о*, *явный/-о*. *Решительный/-о* вводит реакцию на ситуацию, которая разворачивается перед говорящим и непо-

средственно воспринимается им, это могут быть только что услышанная реплика или рассказ собеседника — в примерах (8) и (9); внешние проявления эмоций, выражение лица, мимика, жесты — в примерах (10) и (11):

- (8) Но князь молчал и был серьезен; все ждали его ответа.
— Я вам после скажу, — сказал он тихо и серьезно.
— Вы **решительно** хотите заинтересовать нас, — вскричала Аглая: — и какая торжественность! (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869))
- (9) — Помилуйте, Лев Николаевич, — с некоторою досадой вскричал князь Щ., — *разве вы не видите, что он вас ловит*; он **решительно** смеется и именно вас предположил поймать на зубок.
— Я думал, что Евгений Павлыч говорил серьезно, — покраснел князь и потупил глаза (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).
- (10) Зосимов, начавший свои умные советы отчасти и для эффекта перед дамами, был, конечно, несколько озадачен, когда, кончив речь и взглянув на своего слушателя (Раскольников. — *Е. Ш.*), заметил в лице его **решительную** насмешку (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).
- (11) Он (Версиров. — *Е. Ш.*) смотрел пристально, но улыбка его раздвигалась все более и более и **решительно** переходила в смех (Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)).

Говорящим является герой или автор-повествователь, при этом субъектом оценки будет «тот персонаж повествования, который является фокусом эмпатии автора» [Падучева 2019: 311], например:

- (12) Она (Грушенька. — *Е. Ш.*) резво подседа к Алеше на диван, с ним рядом, и глядела на него **решительно** с восхищением. И действительно была рада, не лгала, говоря это. Глаза ее горели, губы смеялись, но добродушно, весело смеялись. Алеша даже и не ожидал от нее такого доброго выражения в лице... (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).
- (13) Но все-таки ее (Юлию Михайловну. — *Е. Ш.*) беспокоило, что он (губернатор. — *Е. Ш.*) как-то уж очень мало восприимчив и, после долгого, вечного искания карьеры, **решительно** начинал ощущать потребность покоя (Ф. М. Достоевский. Бесы (1871–1872)).

В (12) субъект оценки — автор-рассказчик, точка зрения которого совпадает с точкой зрения Алеши. В (13) субъект оценки — автор-рассказчик, точка зрения которого совпадает с точкой зрения Юлии Михайловны. Она делает выводы на основе внешних наблюдений, суть происходящего ускользает от нее.

Во втором типе дискурсивных употреблений *решительно* акцент смещается на умозаключение: ‘я осознал / я понял’, поэтому ‘я уверен, что это так’. При этом возможны два варианта ситуации и взаимодействия говорящего с ней: оценка говорящим своего внутреннего состояния, рефлексия — в примерах (14) и (15); оценка предыдущих событий, обобщение, вывод — в примерах (16) и (17). Синонимами *решительно* могут быть в данном случае *действительно*, *в самом деле*, *несомненно*:

- (14) [Ипполит] В самое это мгновение, точно угадав, что я боюсь, Рогожин отклонил свою руку, на которую облакачивался, выпрямился и стал раздвигать свой рот,

точно готовясь смеяться; он смотрел на меня в упор. Бешенство охватило меня до того, что я **решительно** хотел на него броситься, но так как я поклялся, что не начну первый говорить, то и остался на кровати, тем более, что я все еще был не уверен, сам ли это Рогожин или нет? (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).

- (15) [Аркадий] Главное, я никак не умею держать себя в обществе. Когда я куда вхожу, где много народу, мне всегда чувствуется, все взгляды меня электризуют. Меня **решительно** начинает коробить, коробить физически, даже в таких местах, как в театре, а уж не говорю в частных домах (Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)).
- (16) [Рассказчик] Да и все этого юношу (Алексея Карамазова. — *Е. Ш.*) любили, где бы он ни появился, и это с самых детских даже лет его. Очутившись в доме своего благодетеля и воспитателя, Ефима Петровича Поленова, он до того привязал к себе всех в этом семействе, что его **решительно** считали там как бы за родное дитя (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).
- (17) [Рассказчик] Я не доктор, а между тем чувствую, что пришла минута, когда мне **решительно** необходимо объяснить хоть что-нибудь в свойстве болезни Ивана Федоровича читателю (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).

В некоторых контекстах реализуются оба отмеченных значения, так как ситуация предполагает и непосредственное наблюдение и обобщение:

- (18) [Черт Ивану Карамазову] Друг мой, не в одном уме дело! У меня от природы сердце доброе и веселое, «я ведь тоже разные водевильчики». Ты, кажется, **решительно** принимаешь меня за поседелого Хлестакова, и, однако, судьба моя гораздо серьезнее (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).

Во многих контекстах у *решительно* реализуется одно из дискурсивных значений и значение высокой степени, иногда — все три отмеченных значения. Они отражают оценку непосредственно наблюдаемой ситуации, умозаключение, рефлексивность, обобщение и оценку интенсивности проявления признака, поскольку ситуация включает разные виды оценки одновременно.

Оценка внутренних состояний почти неизбежно сопровождается их интенсификацией. Как уже говорилось, в тех высказываниях, где сферой действия *решительно* оказывается слово с градуируемой семантикой, наречие получает функцию интенсификатора:

- (19) [Князь Мышкин] — Если сердитесь, то не сердитесь, — сказал он, — я ведь сам знаю, что меньше других жил и меньше всех понимаю в жизни. Я, может быть, иногда очень странно говорю...
И он **решительно** сконфузился (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).
- (20) [Аркадий] Физиономия Васина не очень поразила меня... предчувствовалось мало общительности, но взгляд **решительно** умный, умнее дергачевского, глубже, — умнее всех в комнате; впрочем, может быть, я теперь все преувеличиваю (Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)).

Во многих случаях решить вопрос в пользу единственной интерпретации оказывается затруднительно:

- (21) Конечно, иные из посетителей были почти даже веселы и весьма безучастны собственно к судьбе Мити, но все же опять-таки не рассматривающемуся

делу; все были заняты исходом его, и большинство мужчин **решительно** желало кары преступнику, кроме разве юристов, которым дорога не нравственная сторона дела, а лишь, так сказать, современно-юридическая. Всех волновал приезд знаменитого Фетюковича. Талант его был известен повсеместно, и это уже не в первый раз, что он являлся в провинции защищать громкие уголовные дела (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).

В приведенном примере содержится умозаключение автора-рассказчика о внутреннем состоянии «большинства мужчин». В нем присутствуют некоторые элементы наблюдения, однако в первую очередь это оценка обобщенной ситуации, как о том свидетельствует последующий контекст. Значение степени возникает в контексте глагола с градуируемой семантикой.

(22) Он (Ставрогин. — *Е. Ш.*) с минуту осматривался в кабинете, видимо не замечая рассматриваемого; он думал и, конечно, не знал о чем. Его разбудила тишина, и ему вдруг показалось, что Тихон как будто стыдливо потупляет глаза и даже с какой-то ненужной смешной улыбкой. Это мгновенно возбудило в нем отвращение; он хотел встать и уйти, тем более что Тихон, по мнению его, был **решительно** пьян. Но тот вдруг поднял глаза и посмотрел на него таким твердым и полным мысли взглядом, а вместе с тем с таким неожиданным и загадочным выражением, что он чуть не вздрогнул (Ф. М. Достоевский. Бесы (1871–1872)).

В (22) оценка непосредственно наблюдаемой ситуации сочетается с оценкой интенсивности состояния. *Решительно* принадлежит речи рассказчика, точка зрения которого совпадает в этом контексте с точкой зрения Ставрогина (*по мнению его* — Ставрогина).

В [НОСС] наречие *решительно* отнесено к аналогам синонимического ряда *фактически 2, по существу, по сути, практически 2*:

Говорящий указывает, что рассматриваемое положение дел обладает столь многими или столь важными признаками ситуации Р, что можно называть его именем ситуации Р и относиться к нему, как к ситуации Р'. Данные синонимы относятся к классу слов с метаязыковым значением, отражающих мнение говорящего о возможности использовать какое-то имя для называния рассматриваемой ситуации. Слова этого класса указывают на то, что данная ситуация обозначена не своим собственным именем, а именем другой ситуации, которая, по мнению говорящего, очень похожа на нее [НОСС: 1228].

К этому классу относятся слова и выражения типа *буквально, положительно, настоящий, вообще говоря, можно сказать, если можно так выразиться* и др. [НОСС: 1228].

Анализ языкового материала показывает, что метаязыковой функцией *решительно* обладает в некоторых контекстах, например в выражении *меня хотят решительно закопать в землю и похоронить*, поскольку сферой действия *решительно* является не прямое, образное обозначение ситуации, гипербола. Генерал Епанчин говорит о семейных «дрязгах», «сценах», о неизвестности и тревоге за Аглаю:

(23) Меня... меня, брат, хотят **решительно** закопать в землю и похоронить, и рассудить не хотят при этом, что это тяжело человеку, и что я этого не вынесу (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).

В контекстах *решиительный коммунизм проповедуете* («Подросток»), *в решиительное ремесло обратили* («Идиот»), *решиительный роман вышел* («Идиот»), *имевший вид решиительного бобыля* («Идиот»), *решиительную насмешку* («Преступление и наказание») речь идет о соответствии эталону. Говорящий указывает на то, что ситуация обозначена именем ситуации-эталона. *Решиительный* можно заменить на синоним *настоящий*: *в настоящее ремесло обратили, настоящий роман вышел*. Здесь прилагательное приобретает черты интенсификатора. Модель интенсификации через сравнение с «прототипическим носителем признака» (типа *рабская покорность*) рассматривается в работе Г. И. Кустовой [Кустова 2011: 261].

Также для *решиительный/-о* в языке Ф. М. Достоевского можно отметить некоторые характерные контексты и конструкции.

Конструкции типа «в решиительном вдохновении»

В некоторых контекстах *решиительный/-о* выполняет исключительно функцию интенсификатора, т. е. имеет значение ‘очень, высокая степень’. Среди них отдельного внимания заслуживают конструкции типа *в решиительном вдохновении* со значением интенсификация эмоционального состояния или эмоциональной реакции, которые сопровождают действие, выраженное глаголом-сказуемым. В большинстве случаев это речевое действие, а также жест или мимика героя, которые сопровождают прямую речь.

Данные НКРЯ показывают, что эта конструкция характерна именно для языка Достоевского. В его художественных текстах мы находим 17 таких контекстов, 15 из которых приходится на тексты «больших романов», например:

- (24) — Давай перо! — вдруг совсем неожиданно крикнул Кириллов в **решиительном вдохновении**, — диктуй, все подпишу (Ф. М. Достоевский. Бесы (1871–1872)).
- (25) Затем тотчас же стал говорить (Дмитрий Карамазов. — *Е. Ш.*) громко, быстро, нервно, с жестами и в **решиительном исступлении** (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).
- (26) Раскольников вышел в **решиительном смущении** (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

На все другие художественные тексты, представленные в НКРЯ, приходится семь употреблений, пять из которых — в текстах М. П. Арцыбашева, например:

- (27) — Важно! — заорал оборванец в **решиительном исступлении**. — Что вы мне там городите!.. (М. П. Арцыбашев. Сильнее смерти (1912)).
- (28) — Черт знает, что вы говорите! — воскликнул Чиж в **решиительном негодовании**. — Все умирает! (М. П. Арцыбашев. У последней черты (1910–1912)).

Появление конструкций типа *в решиительном вдохновении* у М. П. Арцыбашева нельзя считать случайным, эта деталь в его стиле требует литературоведческого комментария.

Контексты типа «решиительно как бы»

Как характерную черту языка Достоевского отметим употребление *решиительно* вместе с другим дискурсивным словом, семантика которого вступает с ним в противоречие — это *как бы, как-то, как будто*:

- (29) [Дмитрий Карамазов] Мне до зарезу нужны были эти три тысячи... так что тот пакет с тремя тысячами, который, я знал, у него под подушкой, приготовленный для Грушеньки, я считал *решиительно как бы* у меня украденным, вот что, господа, считал своим (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).
- (30) [Аркадий] ...князь же *решиительно как будто* не заметил и не узнал меня (Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)).

В примере (31) также в контексте с отрицанием:

- (31) [Аркадий] ...а он (Князь Сокольский (старший). — *Е. Ш.*) всучил-таки мне пятьдесят рублей... что хуже всего он тогда сумел-таки почти доказать мне, что я заслужил неоспоримо, а я имел глупость поверить, и притом *как-то решиительно* невозможно было не взять (Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)).

Как бы, как будто и *как-то* выражают неуверенность говорящего в содержании сообщения. Например, в МАС указано, что *как бы* и *как будто* употребляются «для выражения условно-предположительного сравнения» [МАС, т. II: 18]; *как-то* «употребляется при затруднении точно определить образ, способ действия», «время действия» либо «означает неопределенность предположения об образе и способе действия» [МАС, т. II: 23]. *Решиительно* же, напротив, относится к средствам выражения уверенности. Когда сферой действия *решиительно* и *как бы, как будто, как-то* становится одно и то же слово, возникает семантическое рассогласование, граничащее с языковой аномалией.

Сочетания типа «решиительно как бы» отражают более общую закономерность идиостиля Достоевского. Сочетание единиц, семантика которых противопоставлена по признаку ‘уверенность’/‘неуверенность’ (в самом общем смысле), в целом характерно для языка Достоевского: *как-то совсем не столь почтительно* («Братья Карамазовы»), *я почти положительно знаю* («Бесы»), *одно, пожалуй, довольно несомненно* («Подросток»), *я решиительно предполагал* («Подросток»). А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский предложили рассматривать это явление как противопоставление «интенсификаторов» и «ограничителей», «цепочки» из которых могут быть «весьма разнообразны как по комбинаторике, так и по количеству элементов» [Баранов, Добровольский 2008: 524–525].

* * *

Употребление прилагательного *решиительный* и наречия *решиительно* в роли дискурсивного слова и интенсификатора можно рассматривать как отличительную особенность идиостиля Ф. М. Достоевского. Для современного читателя такое употребление имеет оттенок устаревшего. Словари указывают на то, что оно было представлено в языке второй половины XIX в. Однако корпусный анализ показал, что преимущественное употребление *решиительный/-о* в дискурсивной функции или в роли интенсификатора характерно именно для языка Достоевского.

В языке Достоевского *решительный/-о* демонстрирует интересную, «подвижную» динамику взаимодействия дискурсивных значений и значения интенсивности. На материале языка «больших романов» можно выделить несколько характерных типов речевых контекстов и ситуаций употребления *решительный/-о*. *Решительный/-о* употребляется в характерных для языка Достоевского конструкциях типа «в решительном вдохновении» и «решительно как бы».

В литературе о языке Достоевского не раз говорилось о неопределенности как о характерной черте стиля Достоевского [Арутюнова 1999; Лихачев 1984]. Анализ семантики и особенностей употребления *решительный/-о* в языке «больших романов» Достоевского подтверждает, что наряду с категорией неопределенности идиостиль Достоевского располагает специфическими маркерами уверенности, для которых при этом характерно «соседство» с маркерами неопределенности, что подчеркивает неустойчивость когнитивного и психологического состояния персонажа, а часто и рассказчика.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru (дата обращения: 15.10.2019).

Словари

Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Т. IV. М.: Русский язык, 1998. 688 с.

БАС — *Словарь современного русского литературного языка*. В 17 т. Т. XII. Филин Ф. П. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 1675 с.

МАС — *Словарь русского языка*. В 4 т. Т. II. Евгеньева А. П. (ред.). М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1016 с.; Т. III. Евгеньева А. П. (ред.). М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. 992 с.

НОСС — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Апресян В. Ю. и др., Апресян Ю. Д. (общ. рук.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры; Вена: Wiener slavistische almanach, 2004. 1488 с.

СЦСРЯ — *Словарь церковнославянского и русского языков Императорской Академии наук*. В 4 т. СПб., 1847. [М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2018]. <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=dict1847> (дата обращения: 15.10.2019).

СЯП — *Словарь языка Пушкина*. В 4 т. Т. III. Виноградов В. В. (ред.). 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 1283 с.

Ушаков — *Толковый словарь русского языка*. В 4 т. Т. III. Ушаков Д. Н. (ред.). М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. 1423 с.

Литература

Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. *Избранные труды*. В 2 т. Т. I. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1995. VIII + 472 с.

Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамках русской картины мира. В кн.: Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 846–873.

Баранов и др. 1993 — Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Баранов, Добровольский 2008 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Аспекты теории фразеологии*. Сер.: Studia philologica. М.: Знак, 2008. 656 с.

Виноградов, Шведова 1964а — *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в рус-*

ском литературном языке XIX века. Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. (ред.). М.: Наука, 1964. 600 с.

- Виноградов, Шведова 1964б — *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века.* Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. (ред.). М.: Наука, 1964. 304 с.
- Дунаев 2002 — Дунаев М. М. *Православие и русская литература. Ф. М. Достоевский.* М.: Храм святой мученицы Татианы при МГУ, 2002. 176 с.
- Киселева, Пайар 1998 — Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова как объект лингвистического описания. В кн.: *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания.* Киселева К. Л., Пайар Д. (ред.). М.: Метатекст, 1998. С. 7–11.
- Караулов 2014 — Караулов Ю. Н. Достоевский и Эйзенштейн: монтаж аттракционов. В кн.: *Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира.* Осокина Е. А. (ред.). М.: Азбуковник, 2014. С. 34–50.
- Криницын 2001 — Криницын А. Б. *Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф. М. Достоевского.* М.: МАКС Пресс, 2001. 372 с.
- Кустова 2011 — Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN^ы-прилагательные). В кн.: *Слово и язык. Сб. статей в честь 80-летия акад. Ю. Д. Апресяна.* Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256–268.
- Лихачев 1984 — Лихачев Д. С. «Небрежение словом» у Достоевского. В кн.: Лихачев Д. С. *Литература — реальность — литература.* Л.: Советский писатель, 1984. С. 60–79.
- Мельчук 1999 — Мельчук И. А. *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст»: Семантика, синтаксис.* 2-е изд. Сер.: Язык. Семиотика. Культура. М.: Языки славянских культур, 1999. XXII + 345 с.
- Падучева 2019 — Падучева Е. В. *Эгоцентрические единицы языка.* Сер.: Studia philologica. М.: Языки славянских культур, 2019. 440 с.
- Родионова 2005 — Родионова С. Е. Семантика интензивности и ее выражение в современном русском языке. В кн.: *Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры.* Бондарко А. В., Шубик С. А. (ред.). СПб.: Наука, 2005. С. 150–168.
- Червенкова 1975 — Червенкова И. В. О показателях меры признака (на материале современного русского литературного языка). *Годишник на Софийския Университет* [1974]. 1975, LXVIII (1): 7–110.
- Чулков 2019 — Чулков Г. И. *Как работал Достоевский.* Сер.: Антология мысли. М.: Юрайт, 2019. 217 с.
- Шестов 1922 — Шестов Л. И. Преодоление самоочевидностей: к столетию рождения Ф. М. Достоевского. *Современные записки.* 1922, (X): 190–215.
- Buvet 2018 — Buvet P.-A. Collocation et modalisation: exemples des prédicats d'affect. *La langue française.* 2018, 197 (1): 55–67.
- Ducrot 1980 — Ducrot O. et al. *Les Mots du discours.* Paris: Les editions de Minuit, 1980. 240 с.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2020 г.
Статья рекомендована в печать 3 декабря 2020 г.

Corpus-based methods in stylistic studies: *reshitel'nyi/reshitel'no* in Fedor Dostoevskii's individual style*

For citation: Sharapova E. V. Corpus-based methods in stylistic studies: *reshitel'nyi/reshitel'no* in Fedor Dostoevskii's individual style. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (2): 400–416. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.209> (In Russian)

The article discusses the idiolectic features of the adjective *reshitel'nyi* and the adverb *reshitel'no* in Fedor Dostoevskii's writing style. Conceived as one lexical item, *reshitel'nyi* and *reshitel'no* have a semantic structure that includes three blocks of meanings: quality/mode of action; discursive meaning; intensity (corresponding to the lexical function *Magn*). The dictionary definitions suggest that all of them were common to *reshitel'nyi/reshitel'no* in Russian language of the 19th century. However, a corpus-based study shows that *reshitel'nyi/reshitel'no* in discursive or intensifying use is one of Dostoevskii's idiolectic patterns. The study comprises 1219 contexts from Dostoevskii's five great novels and from Leo Tolstoy's, Mikhail Saltykov-Shchedrin's, Ivan Turgenev's and Ivan Goncharov's literary texts accessible in the Russian National Corpus. The analysis reveals the closeness of intensification to discursive meanings up to nondistinction. Almost half of the contexts extracted from Dostoevsky's texts are discursive or intensifying uses of *reshitel'nyi/reshitel'no*. This share is much smaller for the texts of other authors (12 %, 22 %, 15 % and 14 % respectively). The article considers some types of contexts and constructions that refer to discursive or intensifying uses of *reshitel'nyi/reshitel'no* in Dostoevskii's literary texts.

Keywords: discursive word, intensifier, *Magn*, corpus-based study, Fedor Dostoevskii's individual style.

References

- Апресян 1995 — Apresian Iu. D. *Selected works*. In 2 vols. Vol. 2. Leksicheskaia semantika. 2nd ed. Moscow: Iazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1995. VIII + 472 p. (In Russian)
- Арутюнова 1999 — Arutiunova N. D. Dostoevsky's style under the frame of Russian language world view. In: Arutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka*. 2nd ed. Moscow: Iazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1999. P. 846–873. (In Russian)
- Баранов и др. 1993 — Baranov A. N., Plungian V. A., Rakhilina E. V. *Russian discursive words guide*. Moscow: Pomovskii i partnery Publ., 1993. 207 p. (In Russian)
- Баранов, Добровольский 2008 — Baranov A. N., Dobrovol'sky D. O. *Aspects of Phraseology*. Ser.: Studia philologica. Moscow: Znak Publ., 2008. 656 p. (In Russian)
- Виноградов, Шведова 1964а — *Essays on Historical Grammar of Russian literary language of the 19th century. Changes in noun and adjective forms and derivation in Russian literary language of the 19th century*. Vinogradov V. V., Shvedova N. Iu. (eds). Moscow: Nauka Publ., 1964. 600 p. (In Russian)
- Виноградов, Шведова 1964б — *Essays on Historical Grammar of Russian literary language of the 19th century. Changes in word collocation system in Russian literary language of the 19th century*. Vinogradov V. V., Shvedova N. Iu. (eds). Moscow: Nauka Publ., 1964. 304 p. (In Russian)
- Дунаев 2002 — Dunaev M. M. *Orthodoxy and Russian Literature. Fyodor Dostoevsky*. Moscow: Khram sviatoi muchenitsy Tatiany pri MGU Publ., 2002. 176 p. (In Russian)

* The research was carried out within the framework of the RFBR project no. 18-012-90025 “Linguistic model of Dostoevsky's idiolect: corpus technologies in the study of literary text”.

- Киселева, Пайар 1998 — Kiseleva K. L., Paillard D. Discursive words as an object of linguistic description. In: *Diskursivnye slova russkogo iazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniia*. Kiseleva K. L., Paillard D. (eds). Moscow: Metatekst Publ., 1998. P. 7–11. (In Russian)
- Караулов 2014 — Karaulov Yu. N. Dostoevsky and Eisenstein: Montage of Attractions. In: *Slovo Dostoevskogo 2014. Idiostiĭ i kartina mira*. Osokina E. A. (ed.). Moscow: Azbukovnik Publ., 2014. P. 34–50. (In Russian)
- Криницын 2001 — Krinitsyn A. B. *The underground men's confession. On Dostoevsky's Anthropology*. Moscow: MAKS Press Publ., 2001. 372 p. (In Russian)
- Кустова 2011 — Kustova G. I. Words with a sense of high degree: semantic models and semantic mechanisms (MAGN-Adjectifs). In: *Slovo i iazyk. Sbornik statei v chest' 80-letii akademika Iu. D. Apresiana*. Boguslavskii I. M., Iomdin I. I., Krysin L. P. (eds). Moscow: Iazyki Slavianskikh Kul'tur Publ., 2011. P. 256–268. (In Russian)
- Лихачев 1984 — Likhachev D. S. Dostoevsky's "verbal neglect". In: Likhachev D. S. *Literatura — Real'nost' — Literatura*. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1984. P. 60–79. (In Russian)
- Мельчук 1999 — Mel'chuk I. A. *Essay on the theory of linguistic models "Meaning ⇔ Text": Semantics, Syntax*. 2nd ed. Ser.: Iazyk. Semiotika. Kul'tura. Moscow: Iazyki Slavianskikh Kul'tur Publ., 1999. XXII + 345 p. (In Russian)
- Падучева 2019 — Paducheva E. V. *Egocentrals*. Ser.: Studia philologica. Moscow: Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2019. 439 c. (In Russian)
- Родионова 2005 — Rodionova S. E. Semantics of intensity and its representation in modern Russian. In: *Problemy funktsional'noi grammatiki: Polevye struktury*. Bondarko A. V., Shubik S. A. (eds). St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. P. 150–168. (In Russian)
- Червенкова 1975 — Chervenкова I. V. On lexical degree markers (in modern literary Russian). *Godishnik na Sofiiskiiia universitet* [1974]. 1975, LXVIII (1): 7–110. (In Russian)
- Чулков 2019 — Chulkov G. I. *How did Dostoevsky work*. Ser.: Antologiiia mysli. Moscow: Iurait Publ., 2019. 217 p. (In Russian)
- Шестов 1922 — Shestov L. I. Overcoming the Self-evidences: on the occasion of centenary of Fedor Dostoevskii. *Sovremennye zapiski*. 1922, (X): 190–215. (In Russian)
- Buvet 2018 — Buvet P.-A. Collocation et modalisation: exemples des prédicats d'affect. *La langue française*. 2018, 197 (1): 55–67.
- Ducrot 1980 — Ducrot O. et al. *Les Mots du discours*. Paris: Les editions de Minuit, 1980. 240 p.

Received: March 17, 2020

Accepted: December 3, 2020